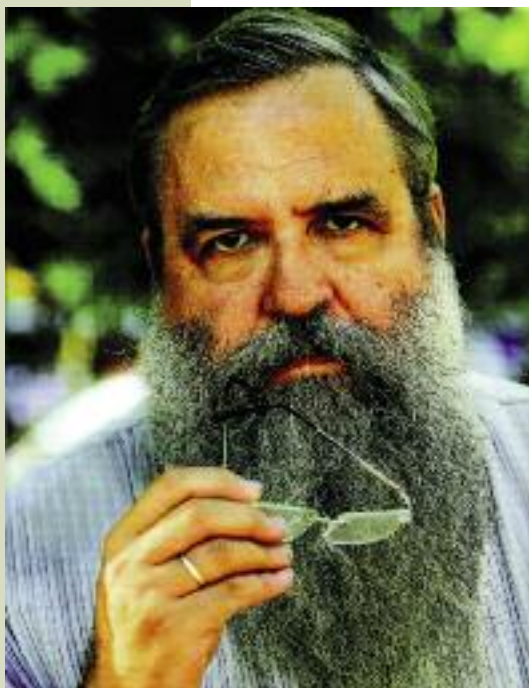

Владимир Игоревич Карпец –
член Союза писателей России, кандидат
юридических наук

Исцеление (от) права*

Перестройка, по словам одного из ее «архитекторов», члена Политбюро и секретаря ЦК КПСС Александра Яковлева, была заведомым и спланированным «сломом тысячелетней парадигмы». Важнейшей ее составляющей стала «правовая реформа». Формально была провозглашена «демократизация советского права», а фактически произошла ломка всей правовой системы: «советское право» за несколько лет исчезло. Но далеко не только оно. Что взамен?..

В теории государства и права существует понятие рецепции права. Это, согласно «Юридическому словарю» 1953 года издания, «заимствование чужеземного права». Такое заимствование «происходит в тех случаях, когда чужеземное право является значительно более развитым, чем право заимствующей страны, и соответствующим в большей или меньшей степени общественным отношениям данной страны, интересам господствующего в ней класса». И далее уточнялось, что «наиболее широко

происходила рецепция римского права в Западной Европе в XII–XVI веках», а «отдельные случаи» заимствования «известны в настоящее время. Так, в некоторых восточных странах (Турция и др.) отдельные кодексы представляют собой более или менее точную копию кодексов той или иной европейской страны». Здесь крайне важна установка на то, что «европейское» всегда заведомо выше, чем «местное». А ведь это 1953 год. Еще послевоенная «золотая осень»... Даже и тогда?

В Европе первые опыты заимствования из римского правоведения приходятся на VI век. Рецепирование проходит несколько стадий, и в конце концов в XII веке германский император Фридрих Барбаросса назвал римское право «всемирным правом». В XVI веке его называли «писанным разумом» и «юриспруденцией, висющей в воздухе». В XIX веке юрист Моддерман назвал его «правом общим, высшим и научным». С этого времени начинается агрессивная экспансия не только

* Статья публикуется с сохранением авторской орфографии и пунктуации. *Ред.*

Николаус Гайгер. Фридрих Барбаросса. Фрагмент памятника «Башня Барбароссы». 1896 год

римского, но и вообще европейского права как часть также и мировой европейской экспансии, начатой еще Каролингами в VIII-IX веках.

Марксизм был также одной (хотя и уже поздней) из форм той же самой экспансии, и естественно, что советские правоведы, выступавшие «под знаменем марксизма», не могли не признавать любую рецепцию «прогрессивной». В этом состояла глубочайшая системная ошибка, сделавшая советскую правовую науку по сути безсильной и открывшей дорогу «правовым реформам» конца прошлого столетия.

«Слом парадигмы» был запланирован еще задолго до перестройки. Более того, не просто запланирован, а заложен. Ему открыла дорогу сама же официальная идеология СССР — марксизм — как часть «западного проекта».

Нелли Гридчина в своей диссертации «Развитие теории правового государства в отечественной юридической науке 60-х гг. XX в. — начала XXI в.» пишет: «С принятием 12 декабря 1993 г. Конституции РФ в развитии российской теории правового государства наступил новый этап, для которого характерна рецепция либеральной западноевропейской доктрины правовой государственности. Эта рецепция означает восприятие всех основных положений доктрины правовой государственности и, таким образом, изменение всей парадигмы государственно-правовой и политико-правовой теории».

Всё начиналось как введение формулы о приоритете международного права над национальным. Надо иметь в виду, что впервые она вошла в конституции государств, потерпевших поражение во Второй мировой войне, — Италии 1947 года, Японии 1947 года, ФРГ 1949 года. А в 1993 году и Россия была окончательно присо-

единена к побежденной стороне. В докладе Бориса Ельцина о проекте Конституции, опубликованном 10 октября 1993 года, было официально объявлено, что «проект прошел экспертизу за рубежом».

Но уже в признанной Советским Союзом «Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН» (1970 год), были сформулированы «семь принципов международного права», среди которых, с одной стороны, «невмешательство во внутренние дела», с другой — «всеобщее уважение прав человека». Одно дезавуирует другое. Если права человека первичны, то всякое вмешательство во внутренние дела государств заведомо является оправданным и всё дело только в том, кто провозгласит себя борцом с мировым злом, кто назовет себя условно хоббитом, а другого — орком. Собственно,

«британский мудрец» всё расписал заранее.

Надо иметь в виду, что сама по себе система международного права есть явление специфически западное и уходит корнями, с одной стороны, в «авраамический договор» (*brith*), а с другой — в *ius gentium*, римское право народов. Правовое учение Джона Локка, Томаса Гоббса и особенно Гуго Гроция, справедливо считающегося основателем современной доктрины международного права, оказалось теоретическим увенчанием всего «средиземноморского» мировоззрения, собственно и являющегося юридическим мировоззрением в подлинном смысле этого слова. В центре этого мировоззрения изначально стоит именно индивидуум, но по мере «обрезания» Божественной вертикали его «права» сами по себе становятся религией. При этом «религия прав человека» уничтожает собственные онтологические, «иудеохристиан-

В XII веке германский император Фридрих Барбаросса назвал римское право «всемирным правом». В XVI веке его называли «писанным разумом» и «юриспруденцией, висящей в воздухе». В XIX веке юрист Моддерман назвал его «правом общим, высшим и научным». С этого времени начинается агрессивная экспансия не только римского, но и вообще европейского права как часть также и мировой европейской экспансии.

Михиль ван Миревельт. Портрет Гуго Гроция. 1631 год

Правовое учение Джона Локка, Томаса Гоббса и особенно Гуго Гроция, справедливо считающегося основателем современной доктрины международного права, оказалось теоретическим увенчанием всего «средиземноморского» мировоззрения, собственно и являющегося юридическим мировоззрением в подлинном смысле этого слова. В центре этого мировоззрения изначально стоит именно индивидуум, но по мере «обрезания» Божественной вертикали его «права» сами по себе становятся религией.

ские» источники. Некоторые удивляются концу «старой Европы». Удивляться нечему. Для нас же главным переломным рубежом стало подписание так называемого Заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе 1 августа 1975 года — «начало новой главы в истории Европы», по словам

тогдашнего премьер-министра Великобритании Гарольда Вильсона. Работу Совещания разделили на три «корзины». Первая «корзина» имела политико-военное измерение и была посвящена прежде всего закреплению итогов Второй мировой войны. Во второй «корзине» рассматривались экономические и экологиче-

ские вопросы. Третья «корзина», или «человеческое измерение», включала в себя «защиту прав человека» и «развитие демократических институтов» — единообразных для всех. И важные для СССР первые две «корзины» были намертво увязаны с третьей.

Ален де Бенуа в работе «Религия прав человека» писал: «Вера в какое-то “естественное право” происходит последовательно от утверждения о существовании абстрактной “человеческой” личности. <...> В этом мы видим, что идеология прав человека — натуралистическая. От Фомы Аквинского <...> до Клода Леви-Стросса <...> эта идеология предполагает, что существовало или может существовать некое “природное состояние” человека. И целью общества является либо восстановить это состояние (Руссо), либо создать его (Локк). Это убеждение связывает классическое иудео-христианство (католицизм и протестантизм. — В.К.), которое верит в “природный порядок”, с современным рационализмом, который использует в качестве своих аргументов якобы “объективные” факты и якобы “универсальные” законы. Сегодня это так называемое природное состояние ставится выше не только народов, обществ и государств, но и самого конкретного, живого человека в его данности. Человек подлежит уничтожению во имя его прав».

Перед Советским Союзом уже в 1975 году стал выбор — или принять эту «религию» и в конце концов самоупрекнуться, или начать выход на более органические пути, или хотя бы твердо стоять на том, что есть. «Летом 1975 года Брежнев подписал Заключительный акт, не очень-то и прочитав, — вспоминал ветеран советской дипломатии профессор Юрий Кашлев. —

Однако вскоре документ довольно внимательно прочитали такие деятели, как секретарь ЦК по идеологии Суслов <...>. И сложилась смешная ситуация: за Женеvu и Хельсинки Брежнев и Громыко наградили нас, членов делегации, орденами, а затем руководителя делегации Анатолия Ковалева (его помощниками были Валентин Зорин и Лев Менделевич. — В.К.) Суслов включил в “черный список”, вычеркнув его из кандидатов в члены ЦК КПСС и Верховного Совета. Суслова поддержало тогда руководство Вооруженных сил. Надо сказать, что именно Суслов, которого иногда называли «советским Победоносцевым», стремился, с одной стороны, сделать марксистскую догматику формально незбылемой, с другой — лишить ее изначального «левого яда»: Суслову и его сторонникам удалось тогда почти на десятилетия «заморозить» ситуацию — в буквальном, чисто леонтьевском смысле «подморозить Россию».

Напомним: именно Суслову принадлежало определение «реальный социализм», то есть скрытое противопоставление сложившейся на Русской земле партийно-советской системы «идеальному» марксистско-ленинскому социализму, «социализму по книге».

Советская теория права была основана на так называемом юридическом позитивизме: в качестве права признавался только закон. Государство по отношению к праву первично, а само оно — в соответствии с марксизмом — носитель «воли господствующего класса». В русской дореволюционной науке в целом было то же самое — разумеется, за вычетом классового подхода, справедливо поглощаемого историей народа в целом, его верой, культурой, географией, военно-политическим положением. Таким образом, можно

рассматривать дореволюционную русскую и советскую теорию внутри одной парадигмы. В целом «советское» продолжало «русское», хотя и заведомо его сужало. Нормальным путем перестройки в области правосознания была бы его «достройка» — от марксизма к историзму.

«Законы, — писал Шарль-Луи Монтескье, — находятся в столь тесном соответствии со свойствами народа, для которого они установлены, что только в чрезвычайно редких случаях законы одного народа могут оказаться пригодными и для другого народа. Законы должны соответствовать природе и принципам установленного правительства; физическим свойствам страны и ее климату — холодному, жаркому или умеренному; качествам почвы; образу жизни ее народов — земледельцев, охотников или пастухов; степени свободы, допускаемой устройством государства; религии населения, его склонностям, богатству, численности, торговле, нравам и обычаям. Совокупность всех этих отношений можно назвать “духом законов”». Против этого-то «духа закона» (или «законов») была направлена «правовая реформа». И дело, конечно, не в коммунизме, каковой после «контрреволюции» конца 30-х стал лишь внешним оформлением устройства «месторазвития».

Петр Савицкий (1895–1968) применил это понятие к анализу взаимосвязи и целостности социально-исторической и географической сред. «Месторазвитие» — это «географический индивидуум», или ландшафт, аналогичный термину *Raum* в немецкой геополитике: «Социально-политическая среда и ее территория должны слиться для нас в единое целое, в географический индивидуум или ландшафт. Разумеется, речь идет прежде

всего о историко-географически предопределенном единстве природного, исторического, государственно-правового, военно-политического, религиозного, культурного и бытового миров <...> цивилизации, возникшей и совпадающей с территорией Российской империи и почти повторяющей ее территорией Советского Союза».

Таким образом, «дух законов» для древнего, средневекового, имперского и советского Русского (евразийского) мира не может не быть един. Причем речь идет именно о Русском праве, Русском законе. Вадим Кожин писал: «Ведь все туранские народы, за исключением поволжских, то есть сравнительно многочисленных, вошли в состав Российской империи не более 200 лет назад. <...> И я думаю, что когда мы говорим о евразийской сущности России, то мы должны иметь в виду именно русских людей, вне каких-то других: именно и прежде всего русские — евразийцы».

В целом в истории мы обнаруживаем две основные парадигмы государства и права. Современная теория государства и права условно называет их западной и восточной. Для первой характерен примат собственности над властью, для второй — напротив, власти над собственностью. Но есть и еще одно разделение, как бы «обратно дублирующее» первое, — в самой структуре правовой нормы: «Хорошо бы, если бы...» (в древнем «желательном падеже»), — «дхармическое право», арийская, ведическая структура. И «если..., то..., иначе...» — авраамическое право, «греко-иудейская» (Жак Аттали) цивилизация. Арийская цивилизация — на самом деле Восток, а не Запад. Древнейшее право ариев связано с понятием *rita* (у славян — *рота*), означающим то,

Михаилу Суслову (на фото) и его сторонникам удалось почти на десятилетия «заморозить» ситуацию – в буквальном, чисто леонтьевском смысле «подморозить Россию».

что возникает при изведении Порядка из Хаоса через перво-расчленение Пуруши.

Об исторических Индии, Персии мы здесь не говорим. Нас интересует Русь, Россия и их продолжение – СССР и сегодняшний Русский мир. «Что касается семантики этого термина (*rota*), — пишет исследователь древнейшей Руси Михаил Серяков, — то различные источники свидетельствуют, что, как и *рита* в Индии, *рота* на Руси означала вселенский закон, согласно которому обязаны жить и боги, и люди. Нарушение же *роты* <...> ставило под угрозу само устройство Космоса и потому обрекало преступника на гибель».

Рота становится законом княжеским и санкционируется великим князем. Так, в тексте договора 971 года читаем: «Азь

Святославъ, князь руский, якоже кляхъся, и утверждаю роту свою». Серяков продолжает: «В тексте договора Игоря 945 года <...> говорится, что мир между Русью и Византией заключается на все лета, “додне же съяеть солнце и весь миръ стоять”. Мир, основанный на *роте*, заключался на вечные времена и был обязателен для русов-язычников на все время существования Вселенной, а не одной лишь Земли — на это однозначно указывает ссылка на Солнце. И наоборот: договор считался утратившим силу в случае гибели Вселенной или, говоря другими словами, когда мировой космический закон перестанет действовать. В этой связи показательно, что в Индии понятие “путь Солнца” было фактически эквивалентно “пути *риты*”».

После Крещения Руси

слово *рота* порицается, но суть остается в *хождении под крест*, заменившем *Животворящим древом* бывшее «дерево клятвы». «Законом сокрыт закон». При этом Православное Христианство, не ломая древних архетипов, придает им новый смысл. Автор книги «Государство правды» (1925) Мстислав Шахматов (1888–1943) отмечал: «Но раз право по содержанию вытекает из религиозных предпосылок, то оно может сливаться с правом по форме только в государственном идеале, построенном на религиозных основах, то есть в “государстве правды”. В безрелигиозном “правовом государстве” это невозможно, ибо там нет критерия для установления права по содержанию. Таким образом, право по содержанию определимо только в государстве правды». «Совет-

ское государство» — тоже в идее «государство правды», хотя «правды» усеченной до одной лишь «социальной справедливости».

Средиземноморская правовая традиция — с Христианством она полностью сливается, строго говоря, только во времена кодификации Юстиниана, — противоположная по значению и смыслам, по самому «духу законов», возникает как следствие представлений о радикальной инаковости Сущего и тварности («из ничто») человека, между которыми возможны лишь отношения договора (*uwp. — brith*, что неточно переводится как «Завет»). «Первый договор» метафизически парадоксален: власть над «царями земскими» в обмен на обрезание крайней плоти («если..., то..., иначе...»).

«Из всех древних народов только одни евреи дошли до развенчания государства <...> с точки зрения глубочайших религиозных верований. Можно даже сказать, что такое развенчание божественного авторитета государственной власти было историческим призванием еврейского народа», — писал выдающийся правовед Николай Алексеев (1879–1964). И далее: «И что самое главное, еврейская теократия, с недоверием относившаяся к монархии, в то же время не лишена целого ряда черт, сближающих ее с демократией. В ветхозаветной теократии общественная власть устанавливалась, в сущности говоря, в результате “общественного договора”, сторонами которого являлись Егова, его пророки и народ». Между тем римское право утверждает принцип священности частной собственности. Иудейский и римский принципы оказываются поразительно «комплементарны». А «обрезание» вертикального, метафизического измерения «договора» («обрезание

обрезания») привело уже к договорной теории Нового времени — вне Сущего (Томас Гоббс, Джон Локк, Жан-Жак Руссо). Интересно, что современная постсоветская теория права, прежде всего так называемая либертарно-юридическая школа (Владик Нерсисянц, Владимир Четвернин и др.) признает собственно «правовой» только эту традицию. Главной среди рецепированных правовых идей, безусловно, были «права человека».

Советская правовая система в целом базировалась на идее обязательств человека перед государством и обществом. Сама идея «прав человека» считалась «буржуазной» (что верно, но далеко не исчерпывающе). Так называемые гражданские и политические права граждан оценивались как второстепенные в сравнении с социально-экономическими. Как показали последние десятилетия, и это тоже было верно. Однако идеология марксизма-ленинизма не могла дать этому адекватного объяснения, и когда она рухнула, «права человека» оказались мгновенно возведенными на пьедестал.

Отношение к «правам человека» не может не быть связано с самыми общими представлениями об уделе человеческом. Если жизнь (в самом широком смысле) не ограничена условиями физического существования во времени, то сами эти условия не имеют принципиального значения. Более того, если рассматривать посмертное существование как вечное, то всё здешнее либо не имеет значения вообще, либо имеет его лишь как подготовка к вечности или некое искупление (исправление). Таким образом, сами по себе «права человека» вообще лишаются всякого смысла. Более того, их «утеснение» в своем роде искупительно. Это на самом деле содержится в любой тради-

Жан-Франсуа Руссо. Монтегкье. Около 1770 года

Шарль-Луи Монтегкье:

«Законы находятся в столь тесном соответствии со свойствами народа, для которого они установлены, что только в чрезвычайно редких случаях законы одного народа могут оказаться пригодными и для другого народа».

ции, но в православно-христианской, основанной на аскезе и борьбе с грехом, — сугубо. Формально «ударив по коммунизму», «права человека» еще более «ударили» по России как таковой.

Вопрос стоит только так: есть бессмертие — нет прав человека, нет бессмертия — есть права человека. Это как раз вопрос о «бытоулучшительной партии», о которой говорил

Николаю Мотовилову преподаватель Серафим Саровский. Тайну «прав человека» неожиданно приоткрывает переписка Царя Иоанна Грозного с князем Андреем Курбским — одним из первых на Руси «правозащитников». Государь объясняет, что казнь изменника спасает душу последнего для посмертия, искупая временной болью и тугой вечные муки (то есть тем самым вы-

Миниатюра из Радзивилловской летописи. Конец XV века

Рота становится законом княжеским и санкционируется великим князем. Так, в тексте договора 971 года читаем: «Азь Святославъ, князь руский, якоже кляхся, и утверждаю роту свою».

ступает как своего рода епитимия). Малая кара избавляет от большой. В случае же наказания невинного «от меня, стропотного царя», пострадавший становится мучеником, а Царь (что дается ему в помазании) — прямым проводником к вечному блаженству и славе. Тем самым идея «прав человека» (у князя Курбского — в ее «раннем варианте») противопоставляется учению о сотериологическом (спасающем) значении «царской грозы». Да, для современного позитивистского сознания это может звучать как чуть ли не безумие, но если всерьез отнестись к бессмертию и жизни вечной, всё окажется строго так и только так. «Права человека» оказываются тем, что лишает его жизни вечной. Что, а точнее, кто за этим?

Ален де Бенуа пишет: «На вопрос, как получилось так, что столь многие представители сравнительно различных идеологий смогли сойтись на понятии “прав человека”, один из членов той комиссии, которая была уполномочена разработать Всеобщую декларацию прав человека, решение о кото-

рой было принято ООН в 1948 году, ответил так, что, действительно, согласие вокруг этого понятия существует — при условии, однако, что никто не задает вопрос “почему”».

Выдвигая для России (в ее тогда советской форме) строго вместо категории «прав человека» понятие «правообязанности», Алексеев писал: «В жизни нашей получилось поражающее несоответствие между юридической формой и бытом: усвоив западную юридическую форму, мы, однако, не выработали соответствующей ей техники; в то же время не вполне отрешившись от своих собственных форм, мы теряли постепенно всё то положительное, что им было свойственно. <...> В государстве трудящихся правообязаны все — и властвующие, и подчиненные. И начало правообязанности проникает здесь не только в отношения политические, но и в отношения частные — право собственности, право договоров. Таким образом, диктатура прав угнетенных силою вещей превращается в организм трудовой демократии, построенной на внутреннем сочетании прав и

обязанностей всех и каждого. Мы убеждены в том, что в этом направлении — разрешение русского революционного процесса».

Однако советское правоведение этих вопросов не разрешало. Оно умалчивало о преемстве его же основных линий (также, например, представлений о «единстве прав и обязанностей») с дореволюционной русской наукой. Как и другие гуманитарные области, оно, обрубая свои же исторические корни и сводя их к заимствованию лишь одного из западных направлений мысли, само готовило конец СССР. В этом его урок.

Вторая после теории «прав человека» «рецептированная мнимость» — теория «разделения властей», справедливо отвергавшаяся до середины 80-х годов прошлого века. В таких основополагающих работах, как «Теория государства и права» Андрея Денисова (1948 год) и «Сущность права» Николая Александрова (1950 год) принцип «разделения властей» характеризовался как «буржуазный» и в принципе неприемлемый. Эти представления господствовали до начала перестройки. Однако, к сожалению, в критике этой действительной химеры советскими правоведами, как это часто было в то время, отсутствовало конкретное содержание.

При этом надо иметь в виду, что теорию «разделения властей» до 1917 года отрицали не только «консерваторы» или «славянофилы», но и русские либералы. Так, Борис Чичерин в «Курсе Государственной науки» указывал, что «Верховная власть едина, постоянна, непрерывна, державна, священна, ненарушима, безответственна, везде присуща и есть источник всякой государственной власти. <...> Это полновластие неразлучно с самым существом государства». И далее: «Всякие ее ограниче-

ния могут быть только нравственные, а не юридические». Еще в большей степени либеральный Максим Ковалевский подчеркивал, что «теория разделения властей <...> сводится на деле к разделению суверенитета». Именно это последнее было неприемлемо для русской правовой науки, и даже кадетские историки и юристы избегали этой темы. Русский суверенитет был предметом общего согласия. Вообще под идеей «разделения властей» подразумевается то, что будто бы государственная власть должна быть разделена между независимыми друг от друга (но при необходимости контролирующими друг друга) ветвями — законодательной, исполнительной и судебной. Впервые эта идея была предложена Джоном Локком, а сам термин введен Монтескье.

Наиболее подробную и обоснованную критику теории «разделения властей» — и не только в России и для России — предложил на рубеже прошлого и позапрошлого веков Лев Тихомиров. И хотя развернут этот сюжет в его «Монархической государственности» (1907 год), он далеко выходит за пределы собственно темы монархии и касается природы власти вообще. При этом Тихомиров исходил как из учения Аристотеля о трех типах власти «правильных» (монархия, аристократия, полиция) и трех «неправильных» (тирания, олигархия, демократия (охлакратия)), так и из православного учения о том, что народ не создает власть, а молится о ней и получает от Бога просимое в свою меру. Власть — или есть, или ее нет. Поэтому она по своей природе монадична и не может быть разделена. Разделяться может только управление.

«Верховная власть нигде не бывает сложной: она всегда проста и основана на одном из

Вопрос стоит только так: есть бессмертие — нет прав человека, нет бессмертия — есть права человека. Это как раз вопрос о «бытоулучшительной партии», о которой говорил Николаю Мотовилу преподобный Серафим Саровский.

трех вечных принципов: монархии, аристократии или демократии. Основное различие между властью верховной и правительственной сопровождается совершенно различным строением той и другой. Верховная власть всегда основана на каком-либо одном принципе, едина, сосредоточена и нераздельна. <...> Современное Государствен-

ное право, точнее сказать конституционное право, забывая различие между властью верховной и управительной, постоянно приписывает первой то, что имеет место лишь во второй. Таким путем в XIX веке утвердились две научно ложные, а практически вредные доктрины о «сочетанной верховной власти» и о «разделении властей», распростра-

Борис Чичерин (на портрете Владимира Шервуда):
«Верховная власть едина, постоянна, непрерывна, державна, священна, ненарушима, безответственна, везде присуща и есть источник всякой государственной власти».

ненном и на саму Верховную власть», — говорит Лев Тихомиров. Эта химера отравляет уже не только российскую правовую действительность, но и мировую.

И наконец, теория «правового государства»... Сама же по себе эта идея, направленная против «платонической иерархии», а на самом деле — против арийской варновой системы и дхармического, то есть «множественного и различного», права в пользу однородного,

есть именно продолжение «сократо-платоновой идеократической революции». Современный теоретик правового государства Ричард Беллами пишет: «Восприятие права как общественного блага (*sic!* — В.К.) <...> связывает правовое государство с концепциями гражданства и равенства». Но это и есть проявление «забвения Бытия» — строго по Мартину Хайдеггеру. При этом то, что для Запада в своем роде логично (в прямом смысле — от «за-

падного логоса»), в иноцивилизационной России было проделано как «гешефт».

Алексеев считал, что Советское государство, пойдя по пути развития российских, а не западных правовых традиций, заключало в себе возможности для перехода к обрисованному выше типу правоотношений: «Организация государства трудящихся <...> ставит правителей вовсе не в положение односторонних управомоченных, а подчиненных — не в положение односторонних обязанных». К несчастью, всё оказалось совсем иначе.

Сравнительно подробный разбор рецепции мы можем найти в работе Сергея Ткаченко «Правовые реформы в России: проблемы рецепции западного права». У автора совершенно справедливое понимание ее почти «садомазохистской» природы: «<...> в большинстве случаев рецепция осуществляется именно принудительно. <...> И здесь население, как правило, выступает в качестве заложника, которого не только нещадно эксплуатируют, но и заставляют говорить на иностранном юридическом языке, применять правовые институты иностранного происхождения. При этом всячески внушается, что нахождение в качестве заложника — прогрессивный шаг для самого заложника, потому что только так можно избавиться от некоей природной лени, тупости и глупости». Такую рецепцию он называет «декоративной».

Ткаченко удачно, на наш взгляд, вводит понятия донора (самой инородной системы) и реципиента: «Здесь наименее вреднейшим мифом является декларируемое бескорыстие донора, его незаинтересованность в *полномасштабной* (курсив наш. — В.К.) рецепции. Внутреннее содержание “декоративной” формы рецепции

Миниатюра из Радзивилловской летописи. Конец XV века

Первый же сохранившийся памятник русской православной политико-правовой мысли – «Слово о законе и благодати» митрополита Илариона Киевского – содержит два основных посыла: отбрасывание иудейского (а косвенно – и греко-римского) законничества во имя благодати, данной Иисусом Христом, и – одновременно – сугубое возвеличение миссии Православного Монарха.

приводит к закономерному предположению о наличии экспансии (открытой или замаскированной) донора, которая выражается, помимо прочего, в навязывании правовой идеологии». И далее: «Рецепция вредоносных политико-правовых идей для российской цивилизации выражается в заимствовании идеологии либерализма, института президентства, концепции правового государства, федерализма, конструкции гражданского общества. При полной реализации их в заданном правящей политической элитой русле они закономерно приведут к недееспособности российской государственности». «Среди стран – доноров России особо выделяются США», – разъясняет автор. Можно уточнить: вся транснациональная сеть, включая США, Европу и мировую банковскую систему, включая «космополитов», доминирующих уже с 1956 года и прямо захвативших власть в 1991 году. Но при этом Ткаченко не вполне принимает «русский ответ» на рецепцию. В частности, скептицизм у него вызывают положения «Русской доктрины» под редакцией Виталия Аверьянова и Андрея Кобякова: «быть носителем не показной раскрепощенности, а «тайной» – творческой – свободы», «аскетический образ жизни не как полная нищета, но как презрение к «сверхпотреблению»».

Что же тогда, по его мнению, не «утопично»? Так вот, как раз не «утопичную», а действительно выросшую – пусть кроваво, но «чисто по жизни» – реальность он бранит пуще всего. Почему? Ответ оказывается простым: как и сторонники рецепции, Ткаченко в «споре идеологии и жизни» отдает предпочтение идеологии: Россия, дескать, «должна быть демократией не для избранных, но – для всех». Вместе с

тем он отмечает: «В нашей стране на традиционном фундаменте сложилась сегодня закрытая и самовоспроизводящаяся правящая корпорация, своего рода «выборная самодержавная монархия». <...> Конечно, институт президентства соответствует народным представлениям о монархии». Так, казалось бы, за «народные представления» как за естественный путь к возвращению своего и следовало бы ухватиться... А вот нет. Едва ли не большими оппонентами, нежели либералы или «смирившиеся» с рецепцией, для Ткаченко оказываются «анонимные авторы» «Проекта «Россия»», которые в 2006 году писали: «У России нет ни единого шанса сохранить свою целостность в условиях демократии. <...> Тот факт, что она до сих пор сохраняет свою целостность, иначе как чудом не назовешь». Эти же авторы считают, что «принцип монархии, адаптированный к современным условиям,

образует новую модель, обращенную в XXII век и в третье тысячелетие». К сожалению, идею монархии авторы «Проекта» благополучно «слили», в следующих томах заменив сначала на «теократию», а затем и вовсе на «власть креатива». Но дело не в них, а в Ткаченко.

Не будем о «третьем тысячелетии» – «нам бы только день простоять – да ночь продержаться», хотя при этом, конечно, вопрос возвращения *во своя си* – вопрос не «дня» и «ночи». Ткаченко подчеркивает симпатию к идее «служения земному Отечеству как образу Отечества Небесного». Однако в чем она состоит конкретно, он внятно выразить так и не может.

Или же ему всё же нужна не «декоративная», а «полномасштабная рецепция»? Демократия?

Но в таком случае...

Если снова тупик, то в чем выход? Попробуем его нащупать – пока приблизительно.

При Екатерине II была создана система судебных учреждений, в которую входили уездные и земские суды для дворян, губернские и городские – для горожан, нижняя и верхняя расправа – для свободных крестьян. Действовало «иностранное право», включавшее в себя шариат, шаманское право, а после присоединения Западного края – кагальное право. На самом деле это и была «цветущая сложность».

Право есть объективная, Богом данная реальность, необходимая для жизни государства и народа. Однако право не самоценно. Современная юриспруденция, возводя право в «абсолютную ценность», тем самым в лучшем случае «отмысливает» вопрос о его происхождении, в худшем – превращает право в идола.

Древние арии говорили о *роте*. Православное Христианство видит в праве действие Святого Духа, «иже везде сый и вся исполняяй», Духа истинного и животворящего, чьи действия многообразны и личны. Поэтому нет и не может быть какого-то «единого права». Право – «правь» – то есть то, с помощью чего правят, определяется подданством Царю, религиозной верностью, принадлежностью к народу и этносу, социальной (сословной) принадлеж-

ностью, возрастом, семейным положением, профессией и профессиональной подготовкой. Не может быть «равного доступа» к ядерному реактору физика и художника, к операционному столу – хирурга и медсестры. Профессионально управлять государством и судить об этом может только тот, кто знает все его «входы» и «исходы», в том числе государственную тайну. «Права человека» – абсолютная абстракция, которую можно сравнить разве что с нефигуративной живописью (и то и другое, кстати, из одного источника). Право жизненно и конкретно.

Фундаментальным является уже упоминавшееся понятие «правообязанность», введенное Алексеевым, который так его расшифровывает: «Это органическое сочетание прав и обязанностей в многосторонних отношениях. <...> Право-

обязанностям на одной стороне могут соответствовать односторонние положительные обязанности с другой. Идеальным случаем подобных отношений мог бы быть тот неограниченный монарх, который рассматривал бы свою власть не как право, но и как обязанность по отношению к подданным, как служение им. <...> Правообязанностям с одной стороны соответствуют правообязанности с другой». Такой «общественный идеал» «мог бы быть осуществлен в том случае, если бы ведущий слой государства проникся бы мыслью, что власть его не есть право, а и обязанность; и если в то же время управляемые не были бы простыми объектами власти, не были бы только носителями обязанностей, положительных и отрицательных, но и носителями правомочий. <...> В таком государстве поистине свобода была бы идеально соединена с повиновением <...> как свобода органической принадлежности к целому». Каждое право есть и обязанность. Право занятия государственной должности должно предполагать обязанность пройти соответствующую моральную (включая службу в армии) и профессиональную подготовку. Свобода слова предполагает знание того, о чем говоришь. Право на жизнь – с момента зачатия, что предполагает запрет абортов. Право на труд есть также и обязанность трудиться – разумеется, при безусловном разнообразии форм труда.

Введение понятия «правообязанность» неизбежно ведет к пересмотру представлений о праве, к «исправлению имен», то есть к возвращению изначальных, лежащих в его основе смыслов.

Гарантом правообязанностей является стоящая над всеми социальными слоями Верховная власть.

Современное евро-американское, выдающее себя за «универсальное» право, основанное на Ветхом Завете, с одной стороны, и римском *ius civile* — с другой, характерно «однородностью и изотропностью» «правового пространства». Точно так же, как на принципе однородности и изотропности пространства физического была основана вся наука Нового времени.

Не будем здесь и сейчас говорить о предхристианской эпохе. Желая отсылать к блестящему труду Михаила Серякова «Вселенский закон. Незримая ось мироздания» и другим книгам этого автора. Но отметим: первый же сохранившийся памятник русской православной политико-правовой мысли — «Слово о законе и благодати» митрополита Илариона Киевского (в схеме — преподобного Никона) — содержит два основных посыла: отбрасывание иудейского (а косвенно — и греко-римского) законничества во имя благодати, данной Иисусом Христом, и — одновременно — сугубое возвеличение миссии Православного Монарха. Высшее воплощение идей Илариона — эпоха Иоанна Грозного (оклеветанного) с наивысшим подъемом власти Царя («десница и шуйца» из писем к князю Андрею Курбскому) при наивысшем же подъеме местных вольностей (земская и губная реформы).

Со времени Киевской Руси суд творился лично князем («княжое право»), затем, на Москве — Царем и от его имени. При всех «эксцессах» XVIII века судебно-правовая система еще имела возможность развиваться органически. При Екатерине II была создана система судебных учреждений, в которую входили уездные и земские суды для дворян, губернские и городские — для горожан, нижняя и верхняя расправа — для свободных

крестьян. Действовало «инородческое право», включавшее в себя шариат, шаманское право, а после присоединения Западного края — кагальное право. На самом деле это и была «цветущая сложность». Увы, недоразвившаяся и обрубленная.

Навязанная России в рамках судебной реформы 1864 года европейская однородность вела к тому, что, используя выражение русского экономиста Владимира Безобразова, «одно крепостное право, то суровое, то мягкое, заменилось другим, всегда суровым и никогда не смягчающимся». Реформа была антимоноархической по своей природе. Отказавшись от «царева суда», вменив государству в лице назначаемых Императором прокуроров исключительно обвинение, реформа сделала его (и Царя) «вечным врагом» собственного народа. Одновременно защиту стало возможным покупать за деньги, а сама адвокатура оказалась заинтересованной в наличии революционного движения, обеспечивавшего ей популярность процессов и огромные доходы. Так сложился союз либеральной интеллигенции (главной силой которой были именно присяжные поверенные) и революции. В целом примерно такое же положение сохраняется по сей день. «Правовая рецепция» — в значительной степени дело вот этой «юридической интеллигенции».

Прокуратура (за которой остается надзор за соблюдением законов и борьба с коррупцией) от функции государственного обвинения должна быть освобождена. Обвинение и защита осуществляются в рамках одного сословия (трудового объединения) правоведов — не за гонорары, а в рамках выполнения профессиональных обязанностей и в перспективе карьерного роста. Профессиональные судьи на-

значаются пожизненно и могут смещаться за совершенные правонарушения Верховной властью, от имени которой оглашается приговор и которая является высшей апелляционной инстанцией. Могут также создаваться сословные (профессиональные) суды (по типу советских товарищеских судов, но с реальными, в том числе уголовно-процессуальными, полномочиями), военные, церковно-православные, казачьи, шариатские суды, суды обычного права малых народов и т.д. — при возможности подачи апелляций на их решения Верховной власти. В случае, если один из участников процесса не подлежит такому суду, обязательно привлечение всех участников процесса к Верховному суду.

Возможно существование двух «уровней права» — общегосударственного (имперского) и местного, включая местное обычное и религиозное (шариат, шаманское право народов Севера и т.д.), как это было в Российской империи. Разумеется, местное право может быть использовано только внутри местных и этнических общностей, а при иных принадлежностях участников правоотношения применяется имперское право. Возможно также существование сословного права — более широкого, чем нынешнее корпоративное, вплоть до создания сословных судов. Так соотносится единое правовое пространство и право как «мера свободы» в его многообразии. Тем самым право избавляется от своего отчужденного характера и начинает жить живой жизнью.

Это и должно стать избавлением-исцелением от права и одновременно избавлением-исцелением самого права, путем к его «аутентичному экзистированию» (Мартин Хайдеггер), «сродности» (Григорий Сковорода).